

Тимофея Волуевича в животъ. Да Ондрѣва жена Марья (л. 221) да Михайлова Оксѣнья рано плакашася: Се ужъ намъ обема солнце померкне на славнѣ гради Москвѣ. Припахнули к намъ отъ быстрого Дона полоняныя вѣсти, носящу великую беду, выседоша удалцы зъ борзыхъ коней на судное мѣсто на полѣ Куликовѣ.

А ужъ диво кличетъ подъ саблями татарскими. Тутъ щурове рано въспѣла жалостныя пѣсни у Коломны на забралахъ на воскресение на Акима и Аннинъ день. То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни, всѣ въсплакалисѣ жены коломенскыя: Москва, Москва, быстрая рѣка, чему еси у насъ мужи наши залелѣла в землю половецкую? Аркучи: Можеш ли, господине князь великыи, весла Непра запрудити, а Дон шлемомъ вычерпати, а Мечю трупы татарскими запрудити? Замъкни, князь великый, отъ сихъ ворота, чтобы потомъ поганые к намъ (л. 221 об.) не ѣздили. Уже бо мужи наши рати трудили.

Того день святая богородица исѣкоша христьяне поганыя полкы на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

И нукнувъ князь Владимиръ, гораздо скакаше по рати поганымъ, златымъ шеломомъ посвѣчиваше. Гремятъ мечи булатныя о шеломы хыновскыя; въсхваляя брата своего: Брате князь Дмитрей Иванович, что ти естъ еси у зла времени желѣзная забрала. Не уставай, князь великый, съ своими великими полкы, не потакай крамолникомъ, поганыя бо поля наша наступаютъ, а храбрую дружину теряли, трупы челоувечью борзъ конь не можетъ скочити, въ крови по колѣно бродятъ. Уже бо, брате, жалостно видѣти крови крестьянской. Не уставай, князь великый, съ своими бояры.

Рече князь великый своимъ бояромъ: Братия бояре и воеводы, дѣти боярскыя, что ти, братие, ваши московскыя сладныя меды и великия мѣста, себѣ (л. 222) своимъ женамъ; тутъ стару помолодится, а молоду чти добыти.

Рече князь великый: Господи боже мой, на ты уповахъ, да не постыжуся въ векъ, ни посмѣють ми ся врази мои мнѣ. И помолясѣ богу и святии богородици и всѣмъ святымъ и прослезися горко и утеръ слезы.

И тогда якъ орлы отлетѣша на быстрый Донъ. То тѣ не орлы полетѣша за быстрый Донъ, поскакиваетъ князь великый съ своими полкы за Донъ съ всею силою. Брате, князе Владимире, тутъ испити медвеная чаша, наступаемъ, брате, съ своими сильными полкы на рать поганыхъ.

Тогда князь великый поля наступаетъ. Гремятъ мечи о шеломы хыновскыя, поганый покрывша руками главы своа. Тогда погани отступишъ назадъ. Къязю ревутъ, отступишасѣ отъ великого князя, погани бежать. Рускии сынове поля широкыи кликомъ огородиша, золочеными шлемы осветиша (л. 222 об.) Въсталъ ужъ туръ оборень. Тогда князь великый поганыхъ назадъ победилъ и поворотилъ гораздо на нихъ и бьетъ горко, тоску имъ подаваше. Князи ихъ падошасѣ с коней к земли. Трупы татарскими поля насяша, а кровию протекли рѣкы. Тутъ ся погани разлучишасѣ борзю, розно побѣгши неуготованными дорогами в лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своа, аркучи: Ужъ намъ, брати, в земли